

ПЕРВОЕ СПЕЦИАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ ЧУКЧЕЙ

ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА ТИРОН

(Институт филологии СО РАН: Российская Федерация, 630090,
г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8)

Рецензия на: Шейкин Ю. И. Музыкальная культура чукчей / Отв. ред. О. Э. Добжанская, Т. И. Игнатьева. — Новосибирск: Наука, 2018. — 208 с.

Дата поступления: 8 сентября 2019 г.

Дата публикации: 25 декабря 2019 г.

Для цитирования: Тирон Е. Л. Первое специальное исследование музыкальной традиции чукчей. Рец. на: Шейкин Ю. И. Музыкальная культура чукчей / Отв. ред. О. Э. Добжанская, Т. И. Игнатьева. — Новосибирск: Наука, 2018. — 208 с. // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 173–181.

DOI: 10.26158/ТК.2019.20.4.014

В 2018 г. вышла в свет монография Ю. И. Шейкина «Музыкальная культура чукчей». Автор книги — ведущий ученый-этномузыколог, доктор искусствоведения, специалист в области музыкальных традиций коренных народов Северной Азии, написавший такие фундаментальные в сибирской музыкальной фольклористике работы, как монографии «Музыкальная культура народов Северной Азии», «История музыкальной культуры народов Сибири», «Жанры музыкального фольклора удэ», музыковедческие статьи в пяти томах академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» и др. [Айзенштадт, Шейкин 1990; Дугаров, Шейкин 1991; Шейкин 1996; Шейкин, Никифорова 1997; Шейкин, Шейкина 1998; Шейкин 2002; Шейкин 2003; Шейкин 2011].

Чукчи (самоназвание — *луораветлан*) — один из самых крупных коренных народов Северо-Востока Сибири, проживающих на территории Чукотки, Камчатки и Якутии. Несмотря на то что

со времени первой нотной публикации чукотской песни прошло уже около ста лет, их музыкальная традиция впервые в мировой фольклористике получает всестороннюю характеристику в рецензируемой монографии.

Во введении, написанном Ю. И. Шейкиным совместно с его ученицей, этномузыковедом, доктором искусствоведения, специалистом по музыке коренных народов Сибири О. Э. Добжанской, дана краткая этнографическая характеристика чукчей и описана история изучения их музыкальной культуры. Исследователями проанализирована этнографическая и языковедческая литература с конца XVIII в. и до настоящего времени, в которой имеются упоминания о музыкальной традиции чукчей, о танцевальной и обрядовой сторонах их культуры. История собственно музыковедческого исследования музыки чукчей начинается в 1924 г. с публикации первой нотной записи чукотской песни, выполненной Е. Н. Широкогоровой. Свой вклад в запись, публикацию и изучение

чукотской музыки внесли С. Рудницкая и А. Б. Дьяков, Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд, Х. Я. Нарва и В. А. Лыткин, А. С. Тарасенко, И. А. Бродский (Богданов), О. Л. Петкевич, Е. А. Рультынеут, О. Э. Добжанская, В. Е. Дьяконова, Н. А. Соломонова, Ж. А. Дьячкова и З. В. Венстен-Тагрина, а также европейские исследователи И. Састамойнен, П. Коллар, А. Лекомт и японский музыковед К. Танимото.

Основной раздел монографии составляют шесть глав. Первая глава посвящена интонационно-акустической культуре чукчей. Автор подробно останавливается на чукотской народной терминологии, в результате анализа которой выявляются пять основных форм интонационного поведения: *типгэйнгэн* 'голос звучащий', *вэтгавэйнгэн* 'речь звучащая', *пилгэйнгэн* 'горло звучащее', *гынникгэйнгэн* 'голоса животных звучащие' и *эйнгэнэнг* 'звук, звуковое орудие'. Данные формы соответствуют пяти типам интонирования: песенному, речитативному, горлохрипению, сигнальному (звукоподражания) и инструментальному.

Во второй главе «Песни, напевы и голоса животных» подробно проанализирована терминология, связанная со сферой звука, песни и напева. Так, чукотский термин *эйнгэн*, по наблюдению Ю. И. Шейкина, приближен к асафьевскому пониманию термина «интонация» и означает «интонировать осмысленный звук». *Типгэйнгэн* — пение в нормативном для чукчей голосовом режиме, вокальный тип звучания. Термин *куликул*, у коряков и кереков связанный с понятием «напев», у чукчей имеет иной смысловой оттенок и означает «голос»: для низких голосов используется термин *клаул-колэркен*, для высоких — *нгэв-колэркен*. Отсутствующий у других палеоазиатских народов термин *грэп* определяет у чукчей жанр песенной импровизации на тембровые и спонтанные слова или стихотворные тексты. Автор приходит к выводу об уникальном соотношении разноуровневых чукотских терминов *эйнгэн*, *куликул*, *грэп* и *типгэйнгэн* среди палеоазиатских культур, «свидетельствующих о разнообразии смысловых оттенков, которые вкладывали чукчи в определение норм песенной практики» [Шейкин 2018, 30].

Во втором разделе «Тембровое пение, звукоподражания, песни животных

и птиц» автор анализирует тембровое пение чукчей, цель исполнения которого — инстинктивное самовыражение в звуках. У чукчей такое пение сформировалось, по мнению Ю. И. Шейкина, на основе звукоподражательного понимания окружающей акустической жизни, ведь каждый предмет, по представлению народа, имеет свой голос. Познание окружающих голосов происходит через их имитацию и интерпретацию.

Звукоподражания пронизывают все фольклорные жанры чукчей. Они связаны с традиционной хозяйственной деятельностью (собаководством, оленеводством, охотой), с обрядовой и магической практикой, с песнями, танцами и сказками.

Третий раздел второй главы посвящен напевам для детей: ласкательному напеву *чакчечанг*, который является своеобразной формой общения взрослого с ребенком от имени какой-нибудь птички или зверя (аналог русской пестушки и прибаутки); и *кынильэткин грэпу* — колыбельной, исполняемой на любой личный напев в особой манере пения с использованием увулярного тремоло. Исследователь делает важный вывод, что «колыбельное пение создало условия для традиционализации напевов и «запоминания» семейных голосов (матери, отца, бабушки)» [Шейкин 2018, 38]. Часто интонационной основой напевов для детей являются звукоподражания птицам *галггэйнгат*. Так, манера исполнения колыбельных родственна звукоподражательной песне журавлю, а также используется в успокаивающих припевах оленятам и важенкам.

В четвертом разделе рассматриваются личные и наследственные (семейно-родовые) мелодии — еще один жанр, исполняющийся на тембровые тексты. Автор пишет о том, что, «учитывая особенности архаичной практики фонаций, главным компонентом в этом феномене является напев. В напевах-импровизациях слово вторично, оно довольно часто не имеет вербального смысла» [Шейкин 2018, 39]. Одним из основных признаков, маркирующих жанр личной песни, является особый тембр сильного вибрато с грудным оттенком. В целом для тембровых текстов чукчей характерны распевы на гласные *а*, *э*, *о* и реже *и* в сочетании с заднеязычными согласными *й*, *к*, *н*, *х*, *һ*, *т*. Данные тембровые приоритеты выделяют

сонорное пение чукчей среди соседних народов (эскимосов, эвенов, кереков, коряков и юкагиров).

Исследователь подчеркивает, что личная песня народов Сибири — это не «авторская песня», а факт персональной фонации — «я пою». Личная песня в своей «классической» форме проявляется не только у чукчей, но и у коряков, нганасан, ненцев, манси, хантов и др. В чукотской традиции Ю.И. Шейкин выделяет три уровня «личной песни»: 1) мелодическое выражение личности (*чиниткин грэп*); 2) семейный уровень (*ройырғын-грэп*); 3) клановый уровень (*чыгрымгыят-грэп*).

По свидетельству автора, каждый чукча, как правило, имел три «персональные мелодии»: детскую песню *чакчечанг*, взрослую личную песню *чиниткин грэп* и песню, сочиненную в старости. Последнюю автор относит к числу неназываемых феноменов. И.А. Богданов (Бродский) в статье «Народов Севера, Сибири и Дальнего Востока музыка» также выделял три вида личных песен-оберегов у северных народов: детской, взрослой и предсмертной [Бродский 1990, 372].

В заключение главы Ю.И. Шейкин приводит краткие сведения о песнях нового времени, которые появлялись в 1960–1970-е гг. под влиянием русского фольклора (частьшки), советской массовой песни и композиторской музыки.

В третьей главе «Танцы чукчей с горлохрипением, звукоподражаниями и танцевальными напевами» исследователь рассматривает танцевальную форму поведения чукчей как особые комплексы кинематики и интонирования, включающие песни, танцы, игры, инсценировки, горлохрипения и звукоподражания. К источникам чукотской хореографии он относит обряды, промысловые празднества, шаманские ритуалы и игры. По информации собирателя, в каждом селении чукчей имелось специальное место для проведения состязаний, игр и танцев, которое называлось *гэчеватын*. Обрядовые танцы исполнялись в закрытом помещении — в специально установленной праздничной яранге.

Народная терминология чукчей, связанная с танцем, по мнению Ю.И. Шейкина, характеризует не жанр, а кинематику танца. Так, *мылявырныгын* — танец, осуществляющий разминку суставов,

мылявык — танцевать, ломаться, *элььатгыргын* — пляска с «кручением» рук, ног и корпуса, «тренировка суставов», *алевакыкын* — ходить гуськом друг за другом, *кэмлиллык* — ходить по кругу, *поторагыргын* — женский танец с бубном без пения, исполняющийся во время обряда *мнгик*, *рултынтэгнык* — «танец лица» и др.

Индивидуальный танец *чейгутун* исполняется с пением и подражательными движениями людям, духам или животным. Женские танцы сопровождаются *пичгэйнгэн* — горлохрипением на вдох и выдох — уникальным типом интонирования народов арктической зоны. Источником танцев с горлохрипением являются звукоподражания голосам животных и птиц: 1) голосам оленей в брачный период, олененка *кайукай*, годовалого олененка *пээчваккай*; 2) голосам морских животных (нерпы *мэмыл*, мифической нерпочки *мэмэлкай*); 3) птицам (чайке *йга-так*, ворону *вэлвин*, куропатке *рэвымрэв*, белолобому гусю, морскому кулику, длиннохвостой утке, лебедю).

В монографии Ю.И. Шейкин пишет о целой системе песне-танцев, в том числе и песне-танцах сюжетно-пантомимического характера. Так, в танце *тангынаваккай* использовалось подражание выделке шкур, в танце *таангыткогырнын* — движениям определенного трудового поведения, в танце *ы'мичун* — потягиваниям, в танце *крачетвыргын* — соревнованиям, в танце *ымымым* — игре, в танце *элючилюкай* — игре с куклой-марионеткой, в танце *нгырэвэнкун-пиврэн* — движениям робеющей невесты из другого племени и др.

В заключение главы автор подчеркивает значимость женщины в музыкальном искусстве чукчей, в формировании синкретизма кинематической и интонационной традиции. Исследователь делает вывод, что «кинематическая общность “танцующих фигурок” на петроглифах и женские танцы с изгибами тела — это разные этапы общей традиции, которая сохранилась в древнейших реликтах фольклора народов Северной Азии» [Шейкин 2018, 63].

Четвертая глава книги посвящена обрядовому и эпическому фольклору чукчей. Исследователь справедливо указывает на то, что «обрядовая культура интонирования чукчей охватывает практически

весь спектр интонационно-акустических возможностей этноса... Ряд обрядов сопровождается речитативами, пением, звукоподражаниями и горлохрипениями, которые по интонационному содержанию не отличались от аналогичных форм интонирования в других жанровых сферах» [Шейкин 2018, 64]. Далее, основываясь на этнографической литературе и собственных полевых исследованиях, Ю.И. Шейкин рассматривает обрядовые празднества и роль в них музыки. Отмечая локальную специфику этнических групп чукчей, связанных с ведением определенных видов традиционной хозяйственной деятельности, автор последовательно анализирует празднества оленеводов и чукчей-поморов.

Среди оленеводческих праздников выделяются праздник осеннего убоя оленей *вылгы-каанматгыргын* и праздник зимнего убоя оленей *тэнатрытвангыргын*, на которых бьют в бубен, призывая духов, имитируя звуки животных и духов. По наблюдениям автора, «...обрядовое подражание голосам зверей и птиц у чукчей отличалось от пения и горлохрипения. Они представляли особую форму интонирования, в которой осуществлялась своеобразная игра — перевоплощение в животное, поэтому называлась *тан-тэнмын-гыннэкэтык* ‘играть в животное’» [Шейкин 2018, 66]. На третий день, который назывался «дымным», в закрытой яранге совершалось коллективное пение личных песен, сопровождаемое игрой в бубны и танцами.

Праздники чукчей-поморов, по наблюдению исследователя, родственны эскимосским. Поминальные жертвоприношения умершим, жертвоприношение морю и обрядовый дом, праздник байдары и праздник голов всегда сопровождаются исполнением личных и семейных песен. Осенний праздник в сонорном плане включает праздничные пляски женщин, личные песни в сопровождении бубна и шаманское камлание.

Ю.И. Шейкин делает важный вывод: использование личных или семейных песен с тембровыми текстами в обрядовой ситуации свидетельствует о магическом смысле собственно пения, а «создание специальных напевов для конкретного обряда — это следующий “шаг” музыкальной традиции, который интонационная

практика в этом обряде еще не сделала» [Шейкин 2018, 70].

На празднике кита в сопровождении бубнов звучала песня мужчин, сидящих в ритуальной лодке и имитирующих движения рыбаков. Пантомимичным танцем и песней «Охота с копьем» сопровождался праздник *энатчыыргын* у оленеводов и *пойгымнэныргын* у поморов. Имелись у чукчей и охотничьи ритуалы, которые заканчивались специальной песней, посвященной конкретному животному (дикому оленю, моржу, медведю, волку, росомахе).

На празднике морского божества *Кереткуна* у поморов использовались язычковые свистки с плоским деревянным корпусом и пищалки из гусиных перьев, на празднике гагары — пищалки из пера и ленточная пищалка с плоской деревянной оправой.

Существенной частью обрядовой сферы традиционной культуры чукчей является шаманство, представление об интонационной стороне которого описывается исследователем в опоре на этнографические исследования В.Г. Богоразы и И.С. Вдовина. Главное отличие шаманского ритуала от празднеств, по словам Ю.И. Шейкина, заключается в том, что «шаманский обряд — это персональный обряд, а не ритуал племени» [Шейкин 2018, 74].

Описанные этнографами четыре ступени шаманства у чукчей различаются в звуковом плане: 1) «поголовное» и «семейное» шаманство стилистически не отличается от обычного пения, однако воспринимается как песня духа; 2) «сношающийся с духами» шаман *кальаткогыргын* передает голоса духов особой артикуляцией *янра-колэркен* с использованием вестibuлярных складок горла или с помощью звукоподражаний животным и птицам; 3) «смотрящий вовнутрь» шаман *гэталъатгыргын*, шаман-знахарь предписывал праздники, предвидел опасности и удачу; 4) «заклинающий» шаман *эвганватгыргын* произносил заклинания, заговоры и благопожелания. Шаманское пение, по мнению автора книги, занимает особое положение в интонационно-акустической культуре чукчей.

Ю.И. Шейкин упоминает и о «мухоморных» песнях — формы психоделического интонирования, существовавшей

у народов Чукотки еще в дооленевождецкий период и являющейся первой стадией постижения шаманского состояния.

Краткий раздел «Эпические речитативы, песни, напевы и звукоподражания» посвящен еще одному фольклорному жанру чукчей — сказкам-мифам *лымнгыл*, в повествование которых включаются песенные и речитативные вставки. В монографии упоминаются образцы *лымнгыл* о вороне-демиурге Куркуля, о возникновении человека, о происхождении чукчей и эскимосов, о появлении одежды, о познании табака, о приручении оленей к нарте, о демоне *кэлы*, о животных и птицах и др. Речитативные напевы в сказках у чукчей называются *втгавэйнгэн*, песенные вставки — *грэн*. Последние являются песнями персонажей сказок (демона *кэла*, зайца, лисы и др.). В заключение главы автор монографии говорит о необходимости проведения работы по нотной и лингвистической расшифровке записанных в экспедициях материалов.

В пятой главе Ю. И. Шейкиным впервые предпринята попытка охарактеризовать локальные традиции интонирования чукчей. Так, исследователь выделяет пять локальных традиций исполнения «персональных напевов»: чаунскую, колымскую, анадырскую, беринговскую и провиденскую. Центральная традиция чукчей анализируется на материале записей П. Коллара и Х. Я. Нарвы из пос. Канчалан, большинство образцов относится к самостоятельному этапу существования песенной традиции. Исследование музыкального фольклора южных групп чукчей основано на анализе нотировок песен, опубликованных В. А. Рыжковым. Нижнеколымская чукотская традиция рассматривается на материале записей песен, опубликованных Ж. А. Дьячковой. Исследование локальных традиций чукчей необходимо продолжать в направлениях, предложенных Ю. И. Шейкиным.

Шестая глава посвящена чукотским звуковым орудиям и фоноинструментам. Изложение материала дается в соответствии с этапами развития музыкальной практики: архаичные, традиционные, профессиональные и инновационные инструменты. Текст содержит информацию о структуре инструментов, описанных в соответствии с органоологической систематикой Э. М. фон Хорнбостеля

и К. Закса, о способе игры на них, а также о культурологическом контексте их применения. Среди архаичных инструментов выделены идиофоны: посох и сistr *кэнгунэнг*, бич *кэнчик*, погремушки *вэнивэн*, колокольчики *конгонгит*; аэрофоны: жужжалка *тэлитэл*, гуделка *вьюткунэнг*, свистки и пищалки *вьёпчананг*. Традиционные инструменты чукчей: бубен *ярар* (беринговского, камчатского и колымско-охотского типов), пластинчатый варган *ванны-ярар*. Инновационными для чукотской традиции являются собственно музыкальные инструменты *эйнгэнэнг*, появление которых связано с заимствованием у других культур. Прежде всего, это хордофоны (смычковые и щипковые лютни), создаваемые в эксклюзивных вариантах. Составить представление о внешнем виде и строении музыкальных инструментов чукчей можно благодаря иллюстрациям с прекрасными рисунками В. Мягова.

В заключение книги Ю. И. Шейкин характеризует процесс взаимодействия интонационных культур чукчей и соседних народов. Так, стиль пения береговых чукчей родственен эскимосскому и керекскому, но отличен от тундровых чукчей. Через эскимосов в чукотскую традицию попал американский бубен беринговского типа. На юге чукчи контактировали с различными группами коряков, которые имеют существенные отличия друг от друга, в Якутии и на Магадане — с юкагирами, эвенами и саха, в центре Чукотки — с чуванцами. Все эти процессы еще предстоит проанализировать, поскольку «множество уникальных и общих черт, существующих в фольклорных культурах восточноазиатской Арктики, во многом может быть объяснено культурно-историческими контактами этносов, общностью их этногенеза и этнической истории», — заключает автор исследования.

Приложение книги включает: 1) библиографический раздел, в котором имеется также перечень нотографических источников, дискография и ссылки на интернет-ресурсы; 2) информацию о полевых материалах автора, использованных в исследовании музыкальной культуры чукчей; 3) список фольклорных исполнителей; 4) нотные образцы. Отметим, что подобная структура изложения материала была выработана автором в ранее изданных монографических трудах

[Шейкин 2011]. Исключение составляет отсутствие словаря этнографических терминов в новом издании. Однако эти сведения читатель может найти в тексте самого исследования.

Особая ценность книги заключается в том, что выводы автора основаны на анализе собственных уникальных полевых материалов, собранных в последнее двадцатилетие XX в. в местах традиционного проживания чукчей. В разделе о полевых материалах автора представлена краткая характеристика коллекций: время и место записи, участники полевой работы, вид собранных материалов, частично — имена исполнителей. Запись осуществлялась в семи экспедициях в местах проживания чукчей (1966, 1981, 1982, 1985, 1986, 1989, 1991) и в концертно-студийных условиях в Новосибирске (1985, 1988) и Якутске (1998), куда приглашались носители традиции. Из материалов экспедиции 1966 г. на Камчатку¹, в которой Ю. И. Шейкин принимал участие, будучи студентом Владивостокского музыкального училища, исследователю оказались доступны лишь дневниковые записи и фотографии. Звукозаписи, переданные в фонотеку Дальневосточного государственного института искусств, по сведениям автора, впоследствии были утеряны. Чукотская экспедиция 1989 г. и камчатская экспедиция 1991 г. проводились в рамках подготовки томов академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Список фольклорных исполнителей включает 57 имен носителей традиции, годы рождения которых находятся в диапазоне с 1909 по 1962 г. Большинство исполнителей были интервьюированы собирателем в экспедиции 1989 г. Тридцать восемь исполнителей родились и проживали в селах Хатырка, Мейныпильгано, Алякватваам, Канчалан, Тавайваам, Усть-Балая, Снежное, Марково Анадырского района Чукотского автономного округа. Имеется информация о единичных носителях традиции из Провиденского (с. Нунлингран, Энмелен), Чукотского (с. Лорино, Аккани, Яндогай), Иульгинского (с. Конергино), Чанунского (с. Рыткучи) районов Чукотского автономного округа, а также Олюторского

(с. Вывенка, Ачайваям, Верхние Пахачи) и Пенжинского (с. Таловка) районов Камчатского края.

Отметим прекрасные фотоиллюстрации к книге, включающие портреты знаменитых чукотского фольклора и предметы традиционной культуры, связанные с их музыкальной традицией. Фотографии выполнены Л. Большаковой, В. Дьяконовой, В. Новиковым, М. Тевлянаут-Кузьминой, В. Христофоровым, А. Чемезовым и В. Шумковым, чьи имена перечислены на титуле книги. К сожалению, подписи к некоторым фотографиям не содержат информации об авторе, а в списке фольклорных исполнителей отсутствует информация о большинстве из представленных на фото носителях традиции.

Нотное приложение содержит около ста тридцати образцов, представляющих музыкальную культуру чукчей. Оно составлено на основе нотных транскрипций автора и других музыковедов. Среди авторов нотаций ученики и коллеги Ю. И. Шейкина, которые в разные годы были специально привлечены им к осмыслению чукотской мелодики. Так, О. Петкевич написала под руководством Ю. И. Шейкина дипломную работу «Музыкальный фольклор чукчей и кереков (Беренговского района)», неопубликованные нотные материалы которой включены в настоящее издание [Петкевич 1983]. Коллеги Ю. И. Шейкина О. А. Шейкина и В. И. Брусник по его заданию нотировали одни и те же напевы, чтобы показать разность восприятия исследователями народных мелодий (см., например: [Шейкин 2018, 151]). И. Саастамойнен — финский музыковед и рок-музыкант благодаря Ю. И. Шейкину увлекся музыкой народов Сибири, ездил в фольклорные экспедиции к удэгейцам и хантам и нотировал несколько чукотских песен в исполнении Е. А. Рультинеут. Т. И. Игнатьевой были выполнены нотировки горлохрипений чукчей для рецензируемой книги.

Часть нотированных образцов представляют ранее опубликованные в трудах В. А. Лыткина, Х. Я. Нарва, В. А. Рыжкова, В. И. Брусника, И. Саастамойнена, П. Коллара, Е. Н. Широкогорова, Э. Е. Алексеева материалы. Ценность переиздания данных

¹ Экспедиция проводилась под руководством старшего преподавателя Дальневосточного педагогического института искусств И. А. Бродского.

материалов заключается в том, что в настоящее время многие из этих источников являются библиографической редкостью.

Для сравнительного изучения напевов все нотные образцы транспонированы автором монографии в тональность «соль». Такой принцип подачи нотного материала уже использовался исследователем в его трудах [Шейкин 2002; Шейкин 2011]. Звукоряд оригинальной и транспонированной тональностей, а также темповое обозначение указаны вначале нотных транскрипций рецензируемого издания. Немного затрудняет восприятие равномасштабное графическое изображение звукорядов и основного текста. На наш взгляд, можно было бы уменьшить нотность со звукорядами, чтобы показать его вспомогательную роль, либо поместить темповое обозначение непосредственно над фольклорным образцом.

Паспорта нотных образцов, взятых из других публикаций, не всегда представлены в полном виде. Так, например, образец 3.32 озаглавлен как «Песня дедушки», а в оригинале — «Песня дедушки Геткивли». В паспорте песни указано: «Исполнила Яйлина из Ачайваяма. Нотация: В. А. Рыжков» [Шейкин 2018, 174], а в первоисточнике: «Исп. Яйлина Зинаида Петровна, 1943, Ачайваям, чукчанка, председатель сельсовета, запись В. А. Рыжкова в марте 1987 года» [Рыжков 1987, 99]. Информацию об исполнителе можно обнаружить в разделе «Список фольклорных исполнителей» [Шейкин 2018, 147], а имя дедушки в книге отсутствует. Необходимо было бы указать его, поскольку в настоящее время сборник «Кэн'акэтой» стал библиографической редкостью и эти сведения могут быть утеряны.

Исследования

Айзенштадт, Шейкин 1990 — *Айзенштадт А. М., Шейкин Ю. И.* Музыка эвенкийских сказаний // Эвенкийские героические сказания. Новосибирск, 1990. С. 89–124. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Бродский 1990 — *Бродский И. А. (Богданов).* Народы Севера, Сибири и Дальнего Востока СССР музыка // Музыкальный энциклопедический словарь / Гл. ред. Г. В. Келдыш. М., 1990. С. 372–373.

Дугаров, Шейкин 1991 — *Дугаров Д. С., Шейкин Ю. И.* О музыке эхирит-булагатского эпоса // Бурятский героический эпос. Новоси-

Итак, новая книга Ю. И. Шейкина «Музыкальная культура чукчей» представляет собой фундаментальное издание, обладает большой значимостью для современного этномузыкального знания. В монографии впервые в мировой науке охарактеризованы все жанровые сферы чукотского музыкального фольклора: песенная, обрядовая, танцевальная, эпическая и инструментальная, — которые даются во взаимосвязи с типами интонирования. Книга является результатом многолетней работы автора, что отражается на концептуальности изложения автора. В исследовании этномузыковед опирается на собственные полевые записи конца XX в., а также на имеющиеся опубликованные и неопубликованные источники. С выходом книги в научный обиход введен значительный объем нотированных материалов по музыкальной культуре чукчей.

Необходимо отметить значение этого издания для сибирской фольклористики, где существует множество лакун неисследованных традиций коренных народов этого региона. Описание чукотской музыкальной традиции позволит в дальнейшем проводить сравнительно-типологические исследования музыкальных традиций соседних народов, проживающих на территории дальневосточного региона. Большую перспективу имеет изучение локальных особенностей чукотской музыкальной традиции, намеченное автором. Монография Ю. И. Шейкина «Музыкальная культура чукчей» играет большую роль в сохранении исчезающей культуры коренных народов Северо-Востока Сибири, поскольку может стать надежным источником для формирования репертуара фольклорных ансамблей.

бирск, 1991. С. 38–54 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Петкевич 1983 — *Петкевич О.* Музыкальный фольклор чукчей и кереков (Беренговского района): Дипломная работа студентки музыкального отделения Дальневосточного пед. ин-та искусств / Науч. рук. Ю. И. Шейкин. Владивосток, 1983.

Рыжков 1987 — *Кэн'акэтой / Сост. и нотация В. А. Рыжкова. Палана, 1987.*

Шейкин 1996 — *Шейкин Ю. И.* Музыкальная культура народов Северной Азии. Якутск, 1996.

Шейкин 2002 — *Шейкин Ю. И.* История музыкальной культуры народов Сибири: срав-

нительно-историческое исследование. М., 2002.

Шейкин 2003 — *Шейкин Ю. И.* Обрядовое интонирование саха: алгыс и осуохай // Обрядовая поэзия саха (якутов). Новосибирск, 2003. С. 58–114. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 24).

Шейкин 2011 — *Шейкин Ю. И.* Жанры музыкального фольклора удэ. Новосибирск, 2011.

Шейкин 2018 — *Шейкин Ю. И.* Музыкальная культура чукчей / Отв. ред. О.Э. Добжанская, Т.И. Игнатьева. Новосибирск, 2018.

Шейкин, Никифорова 1997 — *Шейкин Ю. И., Никифорова В. С.* Алтайское эпическое интонирование // Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск, 1997. С. 47–70. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15).

Шейкин, Шейкина 1998 — *Шейкин Ю. И., Шейкина О. А.* Фольклорная музыка удэ // Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ. Новосибирск, 1998. С. 41–72. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 18).

© Е. Л. Тирон, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тирон Е. Л. <https://orcid.org/0000-0001-9012-0476>

Кандидат искусствоведения, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН: Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; тел.: +7 (383) 330-15-18; e-mail: krupich_katja@mail.ru

THE FIRST STUDY DEDICATED TO THE CHUKCHI MUSICAL TRADITION

EKATERINA L. TIRON

(Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences:
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

Review of: *Sheikin Yu. I. Musical culture of the Chukchi. Ed. by O. E. Dobzhanskaya, T. I. Ignateva. Novosibirsk: Nauka, 2018. 208 p.*

Received: September 8, 2019.

Date of publication: December 25, 2019.

For citation: Tiron E. L. The first study dedicated to the Chukchi musical tradition. Review of: Sheikin Yu. I. Musical culture of the Chukchi. Ed. by O. E. Dobzhanskaya, T. I. Ignateva. Novosibirsk: Nauka, 2018. 208 p. *Traditional Culture*. 2019. Vol. 20. No. 4. Pp. 173–181. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.4.014

References

Ayzenshtadt A. M., Sheikin Yu. I. (1990) Muzyka evenkiyskikh skazaniy [The music of Evenk tales]. In: Evenkiyskie geroicheskie skazaniya [Evenk heroic tales]. Novosibirsk. Pp. 89–124. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of the folklore of the peoples of Siberia and the Far East]). In Russian.

Brodskiy I. A. (1990) Narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka SSSR muzyka [Music of peoples of the North, Siberia and the Far East of the USSR]. In: Muzykal'nyy entsiklopedicheskiy slovar' [Musical encyclopedic dictionary]. Moscow. Pp. 372–373. In Russian.

Dugarov D. S., Sheikin Yu. I. (1991) O muzyke ekhirit-bulagatskogo eposa [About the music of Ekhirit-Bulagat epic]. In: Buryatskiy geroicheskiy epos [The Buryat heroic epic]. Novosibirsk. Pp. 38–54. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of the folklore of the peoples of Siberia and the Far East]). In Russian.

Ryzhkov V. A. (comp.) (1987) Ken'aketoy [Ken'yaketoy]. Palana. In Russian.

Sheikin Yu. I. (1996) Muzykal'naya kul'tura narodov Severnoy Azii [The musical culture of the peoples of North Asia]. Yakutsk. In Russian.

Sheikin Yu. I. (2002) Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie [History of the musical culture of the peoples of Siberia: A comparative historical study]. Moscow. In Russian.

Sheikin Yu. I. (2003) Obryadovoe intonirovanie sakha: algys i osuokhay [Ritual music of Sakha: The Algys and Osuokhay]. In: Obryadovaya poeziya sakha (yakutov) [The ritual poetry of the Sakha (Yakuts)]. Novosibirsk. Pp. 58–114. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 24 [Monuments of the folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 24]). In Russian.

Sheikin Yu. I. (2011) Zhanry muzykal'nogo fol'klora ude [Genres of Ude musical folklore]. Novosibirsk. In Russian.

Sheikin Yu. I. (2018) Muzykal'naya kul'tura chukchey [Musical culture of the Chukchi]. Novosibirsk. In Russian.

Sheikin Yu. I., Nikiforova V. S. (1997) Altayskoe epicheskoe intonirovanie [Altai epic music]. In: Altayskie geroicheskie skazaniya: Ochi-Bala. Kan-Altyn [The Altai heroic epics: Ochi-Bala. Khan-Altyn]. Novosibirsk. Pp. 47–70. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 15 [Monuments of the folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 15]). In Russian.

Sheikin Yu. I., Sheikina O. A. (1998) Fol'klornaya muzyka ude [Ude folk music]. Fol'klor udegeytsev: nimanku, telungu, ekhe [The folklore of the Udege: Nimanku, telungu, ekhe]. Novosibirsk. Pp. 41–72. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 18 [Monuments of the folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 18]). In Russian.

© E. L. Tiron, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina L. Tiron <https://orcid.org/0000-0001-9012-0476>

E-mail: krupich_katja@mail.ru

Tel.: +7 (383) 330-15-18

8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

PhD in Arts, Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)